

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
ACTUAL PROBLEMS
OF RUSSIAN LANGUAGE RESEARCH

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433

Научная статья

**Вербальная экспликация
аксиологических констант русскоязычного фем-дискурса
в контексте феномена киберактивизма**

Н.А. Боженкова¹ , А.А. Негушина¹ , Р.К. Боженкова²

¹Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина,
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

²Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1

 natalyach@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сопряжение базисных конститuentов двух новых для современной русистики феноменов – явления интернет-активизма и языковой личности фем-активистки. Актуальность работы обуславливается объектом исследования, представляющим собой особые формы социолингвокультурных интеракций – дискурсивные практики фем-киберактивизма, которые, транслируясь в сетевой среде с целью осуществления общественно-политической деятельности, составляют сегодня значительную часть контента и оказываются одним из важнейших факторов формирования аксиологических детерминант российского общества. Цель исследования – выявление и системная характеристика лингвоспецифических признаков феминистских и профеминистских блогов, демонстрирующих как идеологические воззрения фем-движения, так и особенности языковой репрезентации тематического поля феминизма в аспекте представленности идиоэтнических черт языковой личности фем-активистки. Материалом исследования послужили авторские интернет-блоги фем-активисток, текстовые единицы тематических феминистских сообществ в социальных сетях, а также текстовые материалы общественных организаций. Использовались критический дискурс-анализ, функциональный анализ корпусов медиатекстов, комплексный компонентный и контекстуальный анализ языковой системы российской блогосферы, стилистический анализ изобразительных ресурсов русского языка, лингвопрагматический анализ речевых и коммуникативных актов и метод лингвокультурологических истолкований. Выявлено, что блогерский активизм имеет ряд характерных признаков, которые отражаются на его рече-коммуникативном наполнении. Главным назначением большинства блогов (особенно относящихся к категории личных, профеминистских) является акт самопрезентации, поэтому такой активизм нередко имеет индивидуальный, а не коллективный характер, авторы обычно не обозначают гражданско-политические цели, что сближает данный подкорпус фем-дискурса с неполитически-

© Боженкова Н.А., Негушина А.А., Боженкова Р.К., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ми общественными практиками. Установлено, что авторы блогов редко используют конвенциональные языковые формы, традиционно присущие идеологизированным практикам, что в свою очередь приводит к выработке новых коммуникативных стратегий и может иметь в будущем значительный социальный эффект. Доказано, что фем-киберактивизм, развивая «под определенным углом» смыслообразующий компонент фем-дискурса, представляющего собой критическую рефлексию женской субъектности, демонстрирует высокую степень вовлеченности гражданского сообщества в определенные политические процессы. Дальнейшее рассмотрение феномена фем-киберактивизма может дать ответ на многие вопросы лингвокультурного и – шире – цивилизационного устройства российского общества.

Ключевые слова: киберактивизм, русскоязычный феминистский дискурс, российская блогосфера, коммуникативные идеологизированные практики, изобразительные ресурсы, русский язык, лингвоаксиологические доминанты, лингвопрагматический инструментарий

История статьи: поступила в редакцию 16.04.2022; принята к печати 11.07.2022.

Для цитирования: Боженкова Н.А., Негушина А.А., Боженкова Р.К. Вербальная экспликация аксиологических констант русскоязычного фем-дискурса в контексте феномена киберактивизма // Русистика. 2022. Т. 20. № 4. С. 414–433. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433>

Введение

Как известно, содержательным ядром и «точкой притяжения» многих направлений антропологической лингвистики является понятие *языковой личности*, понимаемой как конвергентное соединение *универсального, этноэтнического и индивидуального*, где первое – наличие коммуникативной способности, второе – этномаркированный опыт овладения системой языка как способа концептуализации мира, третье – специфичность когнитивно-коммуникативных механизмов текстообразования, воплощенных в формальной рамке освоенного личностью лексикона, определенного набора синтаксических моделей и иных знаковых (в широком смысле) единиц, манифестирующих как «самостные» характеристики личности, так и ее принадлежность к соответствующей социальной группе.

Соответственно, описание категориальных признаков языковой личности строится на конституировании ее статуса как *«создателя, носителя и пользователя языка в условиях коммуникативной реальности»* (Сахарова, 2017), в результате чего языковая личность оказывается *субъектом социальной коммуникации*, что обуславливает: 1) детальное и системное изучение интерактивного пространства «жизненных сценариев» агента коммуникации, иначе – дискурсивное взаимодействие; 2) фиксацию внимания на творческом, создающем характере его речи; 3) выявление признаков этноментального типа коммуникатора – то есть через призму национально-культурной специфичности; 4) характеристику языковой личности через развитие ее субъектности (см., например: языковая личность «возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне – той культурой, в лоне которой он просыпается к человеческой жизни и человеческой деятельности» (Ильенков, 1991: 398)).

Бесспорно, все названные векторы научной мысли являются взаимобусловленными и взаимопересекающимися, однако первый и последний из них вызывают в современной русистике особый интерес в связи кардинальным преобразованием характера коммуникативных отношений, детерминированным лавинообразной цифровизацией общества и, как результат, формированием новой, виртуальной среды взаимодействия – онлайн-реальности, не только задавшей «правила существования» русского языка в Интернете, но и определившей «иные смыслы» и правила речевого поведения в целом (см. работы: Боженкова и др., 2019; Зеленевская, 2014; Кожемякин, 2010; Солнцева, 2019; Шурухова, 2016 и др.).

Наиболее ярко все специфические параметры и характеристики онлайн-коммуникации реализуются, безусловно, в медиаязыке сети Интернет, который, вследствие своей полисемиотической устроенности, становится все более значимым инструментом влияния на общественное сознание. И это не случайно: «информационное поле СМИ, являясь неотъемлемой частью социально-этнической культуры любого общества, представляет собой сложный конгломерат идей, где обозначены цели и интересы этого общества. Поэтому, с одной стороны, СМИ учитывают *культурно-идеологический контекст*, с другой – сами же участвуют в его формировании: столь интенсивная практика (информационные потоки «затягивают в свою воронку» все страты общества) оказывает значительное влияние на коммуникативно-психологическую организацию и конкретной личности, и целевой аудитории в целом» (Боженкова, Негушина, 2021: 242).

Более того, активизация в современных условиях *социальных медиа* и рост численности пользователей различных интернет-ресурсов детерминирует возможность расширения общественно-политического капитала и зарождения новых форм гражданской мобилизации: в силу открытости и доступности интернет-среда значительно демократизирует способы общественного участия («вынося» политику за рамки сугубо профессиональной среды) и тем самым дает толчок интенсивному развитию такой формы социальной активности как *киберактивизм* (Брюханова, 2021).

Феномен киберактивизма стал объектом научного описания относительно недавно, но и представлен рядом работ зарубежных (см.: Geisler, 2018; Loney-Howes, 2015; Ringrose, 2019 и др.) и отечественных (см.: Бродовская и др., 2020; Каверина, Декич, 2020; Парма, 2021; Савельева, 2020 и др.) ученых, при этом степень значимости Интернет-активизма оценивается неоднозначно. Некоторые исследователи полагают, что цифровые формы общественного участия не только не могут иметь серьезных политических последствий, но и серьезно обесценивают традиционные формы гражданской инициативы (с чем связано понятие *слактивизма*; см.: Cabrera et al., 2017)¹. Другие исследования, напротив, утверждают, что сетевые площадки обладают большим потенциалом вовлечения в политическую деятельность самых разнообразных групп граждан (Пикула, 2015; Походня, 2020). Однако в целом ученые утверждают, что сетевые формы активизма существенно отличаются от традици-

¹ Morozov E. From slacktivism to activism // Foreign Policy. 2009, 5 September. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (даты обращения: 15.02.2022).

онных, поэтому в современном политико-идеологическом пространстве занимают особое место (Походня, 2020).

Основные цели киберактивизма аналогичны целям традиционного общественно-политического взаимодействия – инициация гражданской активности для решения конкретных политических задач, однако технологически киберактивизм имеет существенно большую потенцию: для расширения аудитории, информирования и трансляции программных концептов цифровые активисты используют сетевые инструменты коммуникации, в результате чего не только развиваются новые, самостоятельные форматы киберактивизма (например, онлайн-петиции, хэштег-кампании и пр.), но и претерпевают существенные изменения «стандартные» формы взаимодействия в виртуальной реальности – авторские блоги.

Интернет-блоги как независимые площадки, имеющие публичный статус (Нестеренок, 2013), предоставляют значительные возможности их авторам эффективно осуществлять прямое коммуникативное действие и транслировать собственную позицию в глобальный социальный контекст. Подчеркнем, что в аспекте политической проблематики последнее оказывается особенно значимым, поскольку означает мгновенную групповую социальную реакцию на повестку. Важен и тот факт, что блогосфера демонстрирует невысокую чувствительность к цензурированию (не в последнюю очередь из-за постоянного увеличения числа подписчиков), что делает ее подходящим местом для лоббирования самого широкого круга идей.

На этом фоне открытость и интерперсональность блогосферы является значимым моментом для научного осмысления, поскольку дает возможность изучить как особенности ведения идеологически маркированной дискуссии путем сетевых каналов связи, так и степень экстраполяции неких общественно-политических констант и влияние на аксиологическую картину лингвокультурного универсума в целом (см. работы: Vozhenkova et al., 2017; Видинеева, 2020; Генералова, Ребрина, 2018; Генералова, 2020; Савицкая, 2011; Сидорова, 2011; Рогачева, 2009; Фокина, 2014 и др.).

Чрезвычайно интересными с этой позиции, по нашему мнению, являются блоги, актуализирующие в российском коммуникативном пространстве *идеи феминизма*. Именно киберактивизм, будучи формой гражданской инициативы, стал для русскоязычного поля некой «отправной точкой» формирования новых дискурсивных практик фем-движения, локализованных преимущественно в сети. «Четвертая волна» феминизма, возникшая в конце 2000-х гг., намеренно фокусируется на использовании сетевых инструментов, так как они обычно не требуют больших материальных затрат, являются легкодоступными, при этом значительно расширяют потенциальную аудиторию (Винник, 2010; Гнедаш, 2022).

Ведущим мотивом современного этапа фем-движения остается, как и прежде, теория гендера как *стратификационной* переменной (гендерное неравенство), а также «практики, связанные с конструированием социального пола» (Троицкая, 2000: 374), а конституирующим параметром – рефлексия *женской субъектности*, при этом влияние феминистской идеологии проявляется в разной степени (от крайних форм, когда какие бы то ни было различия отрицаются, а выдвигаются требования полной симметричности в от-

ношениях между полами до умеренных проявлений, выражающихся в попытке «отстоять» свое право на социальный статус). Соответственно, смыслообразующей единицей для феминистских текстов является понятие *женской идентичности*, что определяет феминистский дискурс как «особую разновидность дискурса идеологического, экземплифицирующего альтернативную картину мира, основанную на базе женского опыта и преобразованную с помощью средств языка» ((Боженкова, Негушина, 2021: 243).

Поскольку феминистская проблематика встроена не только в бытовую сферу, но и в систему общественных институтов, ее решение и обсуждение нередко требует собственно политического участия. Более того, для феминизма (впрочем, как для любого другого общественного движения) большое значение имеет возможность трансформации социального миропорядка, поэтому даже акт информирования в текстовом пространстве фем-блогов рассматривается киберактивистками как эффективный инструмент управления массовой аудиторией, как способ осуществления регуляции коммуникативного и – шире – социокультурного поведения. В этой связи макроструктура феминистских интеракций и их вербальные компоненты имеют особую «окрашенность», что, во-первых, сближает дискурс феминизма с политическим дискурсом, во-вторых, обуславливает активизацию инкорпорирования специфических конститuentов фем-блогов в реальную коммуникативную практику, в-третьих, детерминирует формирование нового типа языковой личности – представительницы российского фем-движения и тем самым оказывается важной составляющей современной русскоязычной логосферы.

Цель исследования состоит в выявлении, описании и компаративной характеристике лингвокогнитивной и лингвоаксиологической специфики русскоязычных феминистских дискурсивных практик, представленных в формальной рамке феминистских и профеминистских интернет-блогов, в контексте феномена киберактивизма.

Методы и материалы

В дискурсивных практиках киберактивизма как в новой, аксиологически значимой форме этносоциокультурного взаимодействия актуализируются общественно и личностно значимые смыслы, способы вербальной репрезентации которых весьма разнообразны. При выявлении лингвокультурной «нагруженности» знаковых конститuentов феминистских сетевых дискурсивных интеракций авторы опирались на совокупность следующих научных методов и подходов: критический дискурс-анализ, используемый для выявления показателей социальной (гендерной) асимметрии; функциональный анализ корпусов медиатекстов (блогов), предполагающий разграничение по генристическим основаниям; комплексный компонентный и контекстуальный анализ языковой системы российской блогосферы, дающий целостное представление о семантической природе знаковых единиц, употребляемых в дискурсивных практиках фем-киберактивизма; стилистический анализ изобразительных ресурсов русского языка, актуализирующих специфику феминистских интеракций. Комментирование представленного эмпирического материала основано на лингвопрагматическом анализе речевых и коммуникативных актов и методе лингвокультурологических толкований.

Материалом исследования послужили авторские Интернет-блоги фем-активисток², текстовые единицы тематических феминистских сообществ в социальных сетях³, а также материалы сайтов и официальных аккаунтов общественных организаций, деятельность которых осуществляется с учетом феминистской идеологии⁴, общим числом более 500 единиц. При отборе эмпирического материала исследования учитывалась тематическая направленность (отражение идеологии феминизма) и/или принадлежность языковой личности автора к российскому фем-движению.

Результаты

Проведенное исследование позволило выявить и описать вербальный инструментарий коммуникативного взаимодействия в контексте фем-идеологии, а также установить лингвоаксиологические доминанты феминистских дискурсивных практик и закономерности употребления вербальных единиц как структурно-организующих компонентов сетевого активизма.

В ходе исследования было доказано, что фем-киберактивизм, основной технологией которого является гиперболизирующая проблематизация отдельных (редко эксплицируемых в публичном пространстве) аспектов жизни женщин, следует рассматривать как некий механизм «прерывания» гипредискурса дискриминации. Вербализация проблемы, информирование масс и призыв к различным легитимным политическим действиям становятся инструментарием аксиологической «переакцентуации» общества.

Было установлено, что в основе данного подхода лежит идея интерсекциональности (угнетение может принимать разные формы, а идентичности – гендерная, национальная, религиозная – пересекаются), из чего следует, что опыт каждого индивида уникален и обязательно должен быть *объективирован при помощи языковых средств*, так как подобный акт «проговаривания», «именования» и «характеризации», синергетически сочетая индивидуальность механизмов дискурсопорождения и устойчивость ценностной иерархии социальных детерминант, во-первых, является способом политического

² Женщина пишет. URL : t.me/readwomanread (дата обращения : 25.06.2022); Дочь разбойника. URL : t.me/megabitch (дата обращения : 25.06.2022); Женская власть. URL : t.me/vlast_Zh (дата обращения : 25.06.2022); Nikonova.online. URL : <http://nikonova.online> (дата обращения : 25.06.2022); Вашу мать! URL : t.me/vashumat (дата обращения : 25.06.2022); Авторка негодует. URL : t.me/fmnsn (дата обращения : 25.06.2022); EQUALITY. URL : <https://g-equality.livejournal.com> (дата обращения : 25.06.2022); Все складно. URL : <https://shieldmaiden.info> (дата обращения : 25.06.2022).

³ Wrong Fem. URL : <https://zen.yandex.ru/id/5e8f5fdb70c4601c2c6536cd> (дата обращения : 25.06.2022); Первый феминистический. URL : t.me/feminism_power (дата обращения : 25.06.2022); Женская логика. URL : t.me/fmnsn (дата обращения : 25.06.2022); Феминизм: наглядно. URL : <https://zen.yandex.ru/id/5ed645f01642f94d932e965e> (дата обращения : 25.06.2022); Высшая школа равноправия. URL : <https://vk.com/hsequality> (дата обращения : 25.06.2022); FEM TALKS. URL : <https://femtalks.moscow/texts> (дата обращения : 25.06.2022); Reason&Justice. URL : https://vk.com/reason_and_justice (дата обращения : 25.06.2022).

⁴ ТыНеОдна. URL : <https://tineodna.ru> (дата обращения : 25.06.2022); Рёбра Евы. URL : <https://www.rebraevy.ru/projects> (дата обращения : 25.06.2022); Write Like a Grrrl. URL : <http://writelikeagrrl.ru/lab> (дата обращения : 25.06.2022); РФО «ОНА». URL : <https://ona.org.ru> (дата обращения : 25.06.2022).

заявления, во-вторых, лежит в основе формирования и развития той само-бытной, уникальной целостности, которая называется языковой личностью.

В процессе исследования также было выявлено, что совокупность вербальных ресурсов, которыми оперируют фем-активистки как авторы блогов, определяет интердискурсивный «посыл» фем-движения и обеспечивает значительное воздействие на аудиторию. Можно утверждать, что сам факт вовлечения в интернет-активизм напрямую влияет как на содержательную организацию интернет-контента и его языковую и семиотическую вариативность, так и на морально-ценностные позиции всего лингвокультурного универсума.

Полученные теоретические результаты и эмпирический материал исследования могут быть включены в общую парадигму описания лингвистических особенностей сетевой коммуникации и служить базой для дальнейшего изучения дискурса российских общественных движений, а также их коммуникативно-воздействующего потенциала.

Обсуждение

Одним из значимых этапов развития феминистской лингвистики стало появление нового направления изучения фем-дискурса, называемое *феминистской критикой языка*. Поскольку фем-идеология «борется» с навязыванием патриархальных ценностей через различные дискурсивные практики, очевидными становятся три главные цели феминистской критики: «идентификация и преодоление мужского доминирования в общественной и культурной среде, отраженного в языке и литературе; разрушение стереотипного противопоставления мужчин и женщин; переосмысление гендерных различий в языковой картине мира» (Кирилина, 2000: 139–140).

Соответственно, феминистская критика фокусируется на нивелировании «языкового сексизма», андроцентричности языка, гендерной цензуре, предполагая, что изменение существующих языковых норм и способов вербальной объективации женской субъектности должно изменить структуру общества в целом. Представляется, что именно актуализация феминистской критики языка определила параметры современных фем-практик и закономерностей, по которым они функционируют.

Первым существенным моментом следует считать разграничение понятия ‘феминистский’ и ‘феминистичный/феминистический’⁵: так, утверждается, что *феминистские* произведения не только затрагивают идеи феминизма, но и созданы феминистками, тогда как *феминистический* текст может быть любого авторства (Исмаилова, 2010). В рамках феминисткой лингвистики принципиальным является формирование такого конструкта феминности, где женщина является главным актором этого процесса. Иными словами, феминным/женственным является то, что сама женщина признает таковым.

Второй важной позицией является дифференциация феминистского дискурса по идеологическим течениям. Так, в описаниях фем-блогов часто

⁵ Отметим, что в ряде лексикографических источников (см.: Епишкин, 2010; Ефремова, 2006) данные единицы представлены как эквивалентные.

можно увидеть указание, к какому направлению авторы себя причисляют⁶, поскольку это не только обуславливает ценностные ориентиры языковой личности, но и маркирует необходимые идеологемы конкретной текстовой единицы фем-дискурса. В этой связи следует констатировать, что русскоязычное фем-движение отличается неоднородностью: например, российское феминистское объединение «ОНА» выделяет семнадцать направлений⁷, среди которых, помимо упоминаемых в различных исследованиях радикального, либерального или интерсекционального, указаны более узконаправленные, «нишевые» течения – экофеминизм, трансфеминизм, чиканофеминизм и пр.

Такой плюрализм объясняется множественностью проблем, которые испытывают женщины разных социальных групп, и это значительно усложняет таксономизацию феминистских блогов (по крайней мере, на основании их тематического наполнения и круга проблем). Не меньшую сложность представляет и отсутствие авторской идентификации с каким-либо течением (связанное, вероятно, либо с позиционированием фем-активистки как самодостаточной языковой личности, либо с многополярностью ее точки зрения). С учетом этих факторов мы разделяем блоги феминистской направленности на *собственно феминистские* и *профеминистские*. Такое разделение в определенной мере условно, вместе с тем данные группы характеризуются рядом языковых особенностей, позволяющих их разграничивать.

Собственно феминистские блоги транслируют нравственно-теоретические постулаты фем-движения в рамках определенного течения (или, как минимум, указывают, к идеологии каких направлений они склоняются). Контент таких блогов состоит, главным образом, из прецедентных феминистских текстов (трудов известных представительниц феминизма) и аналитических статей, освещающих фем-проблематику (нередко являющихся информационно вторичными текстами / переводами зарубежных ресурсов) и направленных на коррекцию мировоззрения читателей соответственно целям и задачам феминизма. В рамках идеолого-политической коммуникации подобные площадки представляют большой интерес с точки зрения их мобилизационного потенциала: именно блоги собственно феминистского типа осваивают повестку, формируют и транслируют идеологию движения, а также разворачивают акционистскую деятельность. В зависимости от формата акции – офлайн или онлайн – блог может служить как источником информации о предстоящих событиях, так и площадкой для проведения самой акции.

Профеминистские блоги, напротив, являются, как правило, блогами авторскими, которые актуализируют «оптику» языковой личности, представляя собственный «женский» взгляд на самый широкий круг вопросов (отметим, что авторы таких ресурсов не всегда являются фем-активистками в прямом понимании, отсюда и наше именование таких сообществ). Основ-

⁶ См.: «free of anything • феминизм» (<https://vk.com/freeofanything>) – радикальное сообщество; «Женская власть» (t.me/vlast_Zh) – либеральный феминизм; «СоцФем Альтернатива» (<https://zen.yandex.ru/id/5ed51d292c0e3530af43e10a?lang=ru>) – социалистическое направление и т. д.

⁷ Список феминистских течений, движений, идеологий // РФО «ОНА». URL : <https://ona.org.ru/feminist-currents> (дата обращения : 11.07.2022).

ная цель профеминистских блогов – развитие новых дискурсивных практик, формирующих необходимый «идеологический фон». Смысловой доминантой в данном случае выступает экспликация женской субъектности и идентичности, которая в дальнейшем можем развиваться в различных направлениях – социальная активность женщин, конструирование гендера и гендерная нормативность, осмысление роли женщин во всех сферах общественной жизни и т.д. Профеминистский блог выступает, как правило, площадкой для *авторской рефлексии в выбранном векторе* и дальнейших комментариев подписчиков/читателей, что в совокупности способствует реализации имплицитной цели автора – некоего самоутверждения в рамках феминистской теории.

Поскольку профем-блоги обычно носят индивидуальный авторский характер, их базисным жанровым признаком являются самопрезентация и самохарактеризация, которые локализованы в описании блога или «шапке» профиля автора. К **основным коммуникативным технологиям самопрезентации** фем-блогеров можно отнести:

- социальное портретирование (указание на возраст, социальный статус, профессиональную принадлежность и пр.): *Отъявленная феминистка, сибирская л***, бессовестная мать, жадная иллюстраторка, нахальная журналистка*⁸ (Hm, interesting!);
- экспликация идентичности: *Привет! Меня зовут Саша Харитонски, я небинарный человек и помогающий практик* (Narrativny|Haritonsky);
- указание принадлежности к идеологическому течению: *Личное – это политическое: канал о повседневных практиках **интерсекциональной феминистки*** (Даша пишет);
- ссылка на личный опыт: *Этот канал – про **опыт первых шагов в полиамории: наши мысли, страхи и маленькие исследования себя и окружающего мира:*** (Полиамория оглашенных);
- ограничение тематики блога: *Гендерные исследования, женская и гендерная история, история феминизма, phd-будни* (Смех Медузы);
- представление авторской оценки действительности: *Женские тексты как смысл жизни. Разрушаем стереотипы, меняем каноны, пьем вино и хохочем* (Своя комната).

Профеминистские ресурсы значительно деполитизированы: они фокусируются на эмоциях адресата, его ощущении безопасности и комфорта, чем объясняется их интегративность и явные признаки интерперсональности. Это, однако, не отменяет их политический эффект, поскольку прирост аудитории делает автора блога лидером мнений, способным результативно лоббировать свои интересы и формировать в рамках феминизма актуальную «повестку дня».

Для концептуализации фем-повестки и формирования в массовом сознании картины мира, которая развивалась бы в рамках движения, а также для освоения собственного терминологического аппарата, который в рус-

⁸ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация, однако в отдельных случаях используемые в текстах лексемы по этическим соображениям замещаются знаком *.

скоязычном фем-пространстве все еще находится в процессе формирования, феминистские авторы используют **ряд специфических лексических средств**, наиболее частотными из которых являются:

- феминистская терминология:

- *Очень грустно, что доктора медицинских наук не читают современные гайды для врачей, работающих с ожирением (где не устают повторять, что **фэтшейминг** вреден пациентам...*

- *Наличие гомофобии, расизма, исламофобии, **мизандрии** и прочих форм ксенофобии просто стирает нашу повестку.*

- *Новенькие феминистки подверстали к проблеме теорию, привнесли академический язык в обычную речь, и теперь все разговаривают в терминах **газлайтинга** и **менсплейнинга**, но не они начали разговор.*

- тематические фразеологизмы:

- *Кто тебя такую карьеристку полюбит. Одна и **сорок кошек**. Будь помягче.*

- *Ладно, наши **диванные бойцы**, у которых совсем недавно случались массовые припадки по поводу женских и детских средств гигиены...*

- *Но давайте пофантазируем, что же случится, если все дамы мира разом познают их правоту и побегут домой, **варить детей и рожать борщи**.*

- феминитивы (как способ маркирования феминности объекта речи):

- *Я могу говорить об этом бесконечно – но об этом уже написали массу книг, умные **психологини** и психологи разъяснили механизм абьюза, и все такое.*

- *Ситидрайв <...> выяснили, что 72 % **водительниц** хотя бы раз сталкивались с буллингом на дороге.*

- *При этом коммуникация выстраивалась в ключе: «Мы с вами, в первую очередь, друзья», так что **автор_ки** обзоров не получали денег за работу.*

Поскольку одним из ключевых идейных элементов фем-движения является **конструирование** женской идентичности, авторы профеминистских блогов стремятся к переосмыслению социокультурных стереотипов путем описания специфики женского опыта, отграниченного от мужского мировосприятия и маскулинных категорий. Основным средством решения этих задач являются **феминистские метафоры**, которые (в отличие от метафор гендерных) не концептуализируют половую принадлежность, а служат способом представления доминантных идеологем феминизма:

- *И приходится либо «свободно делать выбор остаться только матерью или по большей части матерью», либо яростно **сражаться на трех фронтах**, чтобы **отстоять** себе хоть какой-то кусок жизни вне детской и кухни.*

- *Это даже не вопрос личных моральных качеств – собственную жену ты можешь **держат на привязи в кладовке**.*

- *Удивительно, насколько легко мужчины соглашаются с идеей, что у женщины **должен быть хозяин**, и его пожелания необходимо уважать.*

Другие распространенные стилистические приемы – **антитеза, градация, гипербла** – способствуют смещению эмфатического фокуса синтагмы

в область тех аспектов женского опыта, которые умышленно проблематизируются в рамках феминистского дискурса:

– *И мне кажется, это прекрасная иллюстрация обслуживающего репродуктивного труда: пока твой муж в галстук дает строгим голосом комментарии, ты соскребаешь с пола ваших общих детей, которые решили проверить, как дела у папы.*

– *А перед нами классический «стеклянный потолок», жестокий и циничный: женщины могут рисковать собой, умирать, писать лучшие тексты, а на громкую встречу уровня А+++ позовут все равно только мужчин.*

– *Мужчины не способны жить без репродуктивного женского труда. Если женщины перестанут отводить детей в сад, убирать квартиры, стирать вещи мужьям, готовить пищу и др. то экономики целых стран мира встанут.*

Отметим, что данное «смысловое усиление» часто сопровождается синтаксическим параллелизмом и анафоро-эпифорическими фигурами:

– *Как насчет обратить внимание, какое количество женщин в попытках соответствовать этим самым ценностям и создать семью, становятся жертвами насилия? Как насчет признать факт, что женщины погибают от рук мужчин – и действующих законов недостаточно, чтобы их защитить? Как насчет представить себе, что женщинам может быть просто страшно создавать семью?*

– *Как же надоело вот это искусственное деление мира на «мужчин с Марса» и «женщин с Венеры». Как же бесит эта слепая вера в то, что есть «мужская точка зрения.*

– *И тут я хочу сказать вам: если вы отдаете ребенка в дорогой частный сад или муниципальный во дворе – я вас не осуждаю. Если вы выходите на работу через неделю после родов и нанимаете ребенка няню – я вас не осуждаю. Если вы решаете оставить карьеру и заниматься детьми и домом, я вас не осуждаю.*

Значимо, с нашей точки зрения, что текстовые единицы фем-блогов сами по себе могут являться определенной формой политической акции, имитирующей такие традиционные сценарии, как митинг, пикет или уличный протест. Данная корреляция формата достигается:

1) путем использования различных риторических фигур – **обращения, призыва, риторического вопроса или восклицания:**

– *И вот над всей землей раздается вой и плач про «войну полов» вдруг, вдруг нас призывают одуматься, попуститься, вспомнить, что насилие порождает насилие, и нельзя же так! С чего бы, хочется спросить, с чего бы? И что такого страшного уже произошло?*

– *Но пожалуйста ПОЖАЛУЙСТА давайте перестанем называть обычных женщин плюс-сайзом!*

– *Хватит историй о героических мужиках на войне!*

2) графическим выражением ритмомелодического рисунка предложений и их экспрессивной окрашенности (нарочитая демонстрация чувства гнева является манифестацией протеста против общественного запрета на

открытое проявление женщинами негативных эмоций, поэтому маркировка эмотивности и эмфатичности чрезвычайно важна для фем-практик в целом), что экземплифицируется через **прямую номинации чувств и эмоций, использование междометий и/или изменение текстового регистра для имитации крика:**

– *Но для каких-то рекламишников в интернете вы – просто карандаш в стакане. Исключительно потому, что вы женщина. **Ненавижу.***

– *Медиа о родительстве читают реально **ТОЛЬКО** женщины. Ни одного коммента от мужчины. Ни одного **ОТЦА** там нет.*

– *Хочется потрясти эту листовку и **проорать «А ЗАЧЕМ ВАМ МУЖ, КОТОРЫЙ УХОДИТ, КОГДА ВЫ БОЛЕЕТЕ?»***

– *Тело незнакомое, «чужое», секс больно, партнер требует внимания и расстраивается из-за свисающего живота (**лол што?!**).*

– *Пристегните мозги! С помощью сексизма научились рекламировать рецептурные антидепрессанты (**ААААА**).*

С целью придания пейоративной окрашенности нагрузке явлениям, с которыми феминизм борется, а также для усиления экспрессивности своей речи, фем-авторы активно используют сниженную или грубую просторечную лексику, в том числе **дисфемизмы:**

– *Она не может сказать своему кормильцу и защитнику – ты вот **обосрался**, так давай, исправляй ситуацию.*

– *Например, совет одеваться скромнее тем, кто боится сексуального насилия – **идиотский**, потому что одежда никак не влияет на то, столкнешься ты с насилием или нет.*

– *Мужчина объявляется человеком, который без точных указаний не может **задницу** ребенку помыть.*

Различия собственно феминистских и профеминистских площадок заметна и на уровне тактико-стратегических предпочтений.

В основе риторики собственно феминистских блогов лежит резкая критика оппонентов, в данном случае – открытых противников феминизма или пропагандистов антифеминистских идей и убеждений:

– ***Навязывают** духовные скрепы, **разваливают** образование, науку, медицину, **поощряют пролайф и деградацию, возвращают нас в каменный век** они, а неспособные в прогресс, науку и логику мы.*

– *Конечно, **отрадно**, что закон (о домашнем насилии) все-таки намерены принять рано или поздно. <...> При это **дико раздражает**, что вместо учета потребностей потенциальных жертв прислушиваются к какому-то право-консервативным **демагогам, которым плевать на женщин.***

– *Сексизм и мизогиния теперь **государственная политика.** <...> Вот оно лицо нынешней государственной власти.*

Воздействующий эффект собственно феминистских блогов обеспечивается в том числе с помощью ряда **манипулятивных коммуникативных тактик.** Например, для демонстрации компетентности фем-авторы часто оперируют фактами и ссылками на авторитеты, при этом информация подается «в дестабилизирующем ключе», а ргіогі предполагающем эмоциональный отклик у реципиента:

– <...> но вот такая страна Россия, здесь **проблемы у женщин в основном случаются в гетеросексуальных браках, а задолженность по алиментам в России превышает 100 млрд рублей.**

– Факт – на одну зарплату достойно содержать хотя бы двух детей иждивенцев в течение двух-трех лет **может совсем небольшое число работающих.** Факт – женщине с двумя детьми **практически нереально выйти на додекретный уровень дохода.** Факт – бедность мы и так считаем по планке ниже нижнего, **прожиточный минимум это уровень выживания.**

– **Только 20 % женщин сказали, что никогда и ни в какой форме не сталкивались с харассментом на рабочем месте. 20 %!** Это означает, что из 10 женщин только две смогли в своей жизни спокойно работать и концентрироваться на трудовых задачах в благоприятной атмосфере!

В отличие от собственно феминистских площадок, где критика противоположной идеологии осуществляется путем фактологии (пусть и со смещением/усилением тематических акцентов), авторы профеминистских блогов предпочитают **дискредитирующие тактики и иронический модус в адрес оппонентов** (как правило, мужчин):

– *Детей российский муж будет от тебя требовать троих, и обязательно первый – мальчик, дабы продолжить славный род Пупкиных. <...> А он добытчик. Он принес вам среднюю зарплату по региону – падайте за это в ноги патриарху.*

– *А может для женского комфорта надо перестать домогаться женщин? Да не, фигня какая-то.*

– *Да, Дмитрий, это, конечно, ваше право – решать за женщин, что им делать с собственной судьбой.*

Эмоциональное напряжение и агрессивная коммуникация в данном случае детерминируются гендерной оппозицией «положительный женский образ – отрицательный мужской образ», а языковая объективация маскулинности происходит при помощи **конфронтационных тактик** – осуждения, обвинения и прямых оскорблений:

– *Сюжет первой и основной части романа «Июнь» завязан именно что на ложном заявлении об изнасиловании. Я даже не стану отрицать, что они бывают <...> Просто с учетом вышеописанного общественного мнения сколько-нибудь известному писателю нельзя укреплять эту легенду. Просто нельзя. Это мерзко, глупо, недальновидно и жестоко.*

– *Кто-то в конце подросткового возраста, кто-то в 20–30 лет, мы начинаем понимать, что что-то в корне не так с мужчинами. Что они мизогинисты, насильники, убийцы.*

– *За что в итоге топит ущемленное мужло? Конечно против закона! Где логика? Ее нет! Одним словом мужло!*

Цель фем-активисток состоит не только в повышении статуса женщины (через позитивную репрезентацию ее образа) в глазах общества как адресата, но и в убеждении самих женщин, что феминистское сообщество – безопасное и дружелюбное пространство, где их ценят и уважают, для чего авторы профем-блогов используют широкий спектр **интегративных коммуникативных стратегий и тактик**, например:

- демонстрация участия: *Да, я хочу, чтобы труд людей, которые воспитывают детей без партнера, стал видимым. Я хочу, чтобы одинокие родители чувствовали себя увереннее. Хочется верить, что я смогу хотя бы капельку этому поспособствовать;*
- извинение: *Извините, если вы ждете от меня реакции на текущие события – я к сожалению, совершенно не в состоянии ее выдать;*
- благодарность: *С вашей поддержкой и верой в свободу я становлюсь все сильнее! Спасибо, что мы вместе!*
- комплимент: *Давайте перестанем извиняться, ну сколько можно уже. Мы прекрасные, умные, талантливые;*
- юмор: *Умрешь с сорока кошками! <...> Любой особе любого возраста хоть раз угрожали кошками;*
- похвала: *Я хочу вам опять напомнить, что женщины с детьми – супергероини!*
- проявление сочувствия: *Мне так горько за всех женщин, которым достается от других женщин, словами не передать;*
- предложение сотрудничества: *Необходимо проявить солидарность и выразить поддержку сестрам: устраивать различные акции, добиваться переквалификации обвинения, распространять информацию;*
- предложение решения: *Мужик начинает на тебя орать? Заткни его: «Я не могу продолжать общение, пока ты так эмоционален»;*
- обещание: *И обещаю никому никогда не говорить «ребенок все чувствует, так что возьми себя в руки, дорогая»;*
- запрос информации: *Сегодня я с вами поделюсь своим списком, а вы рассказывайте, что сейчас поддерживает вас;*
- прямой ответ: *Хорошая ли я хозяйка? Нет. Хочу ли я стать лучшей? Тоже нет;*
- информирование: *Сегодня наводка для девушек и поддерживающих равноправие юношей Владивостока: 7 марта в этом городе пройдет акция в поддержку жертв домашнего насилия;*
- генерализация: *Конечно, я отвечаю, что патриархат влияет на всех, что даже в самой благополучной стране нет ни одной женщины и ни одного мужчины, которые не испытали бы на себе его воздействия;*
- описание позитивной перспективы: *Женщина должна делать все, что ей удобно. <...> В мире победившего феминизма нет причин запрещать женщине обнажать грудь.*

Проведенный анализ текстовых единиц, представленных в интернет-ресурсах представительницами фем-движения, позволяет сформулировать некоторые общие положения, характеризующих феминистские блоги с точки зрения их идеолого-политического потенциала и влияния на аксиологические позиции их читателей.

Семасиологическим ядром феминистских дискурсивных практик является негативная оценка общественной рефлексии женской субъектности, поскольку «маскулинность» многих социальных институтов не просто ограничивает женщин в базовых правах, но ставит их в такие рамки, в которых

паттерн «вторичности» женщины закрепляется, подкрепляется, нормализуется и транслируется последующими поколениями. В этой связи феминистская ревизия существующего социального устройства осуществляется, с одной стороны, путем дискредитации «мужского взгляда» через конфронтационные/манипулятивные/аргументативные (с тематической акцентуацией) коммуникативные тактики, с другой стороны – конституированием нового статуса феминной субъектности, маркирующего особую, но всегда равную социальную роль женщины в обществе.

Все феминистские тексты отличает специфический набор знаковых (в широком смысле – лексических, фразеологических, синтаксических, стилистических) компонентов, обуславливающих интерперсональное и – что важнее – интердискурсивное развитие феминистских интеракций. Чрезвычайно значимыми в таком случае оказываются экспрессивность и эмоциональная окрашенность высказываний, что достигается амбивалентным совмещением ряда языковых средств (от феминитивов, феминистской терминологии, гендерных метафор, тематических фразеологизмов, дискурсивных и эмфатических единиц до сниженной просторечной лексики, дисфемизмов и иронического модуса – когда высказывания, обрамленные разнообразными фигурированными и тропеическими конструкциями (с умышленной гиперболизацией явления!), направлены в адрес оппонентов) и в совокупности способствует выражению ценностно-идеологической позиции автора.

Парадоксальным оказывается факт, что значительный политический эффект достигается *путем деполитизации феминизма*: в этом ключе фем-движение представлено скорее как образ жизни, нежели форма политического участия, что вызывает рост интереса общества к постулатам феминизма, способствует расширению числа сторонников фем-идей и, как результат, определяет «принятие» социумом новой общей гражданской позиции.

Заключение

Несмотря на свою «научную молодость» (конституирование и категоризация исследуемого феномена пока находится в стадии становления), сущностным признаком киберактивизма как социального явления считается факт использования цифровых коммуникаций с целью осуществления политических действий – распространения информации и трансляции своих идеологических взглядов. Развитие киберактивизма оказало значительное влияние на актуализацию идей феминизма в русскоязычном лингвокультурном универсуме и, как следствие, привело к появлению новых дискурсивных практик фем-движения. Наиболее продуктивной «средой» Интернет-активизма оказалась блогосфера, так как она, в отличие от иных электронных СМИ, дает возможность реализации различных форм деятельности: один ресурс может представлять собой одновременно площадку для размещения медиаконтента, обмена контактами, ведения авторских заметок и коллективного обсуждения.

В этой связи можно утверждать, что феминистский дискурс представляет собой новый тип социолингвокультурных интеракций – институционально-персональное взаимодействие, фокусом становления и видоизмене-

ния которого является осмысление женской субъектности через призму гендерных различий, представленных в языковой картине мира. Транслируясь в сетевой среде, современный фем-дискурс оказывается значительной составляющей медийных ресурсов (в том числе и социальных медиа), «вливается» в феномен киберактивизма и тем самым напрямую влияет как на аксиологические позиции пользователей Интернета, так и на вербальные компоненты логосферы, воплощающиеся в семантико-стилистической и структурной изменчивости знаковых единиц в коммуникативной практике языковой личности фем-активистки.

Дальнейшая дискурсопорождающая деятельность языковой личности, разделяющей идеологемы феминистских течений, может быть представлена как сложный «спиралевидный», автодетерминируемый процесс: по мере усвоения языковых конвенций расширяется «пространство» произвольного выбора и варьирования форм вербального (и не только!) поведения на основе субъективного плана действий, а наличие предлагаемой и усвоенной системы ценностей, задающей критерии рефлексии собственного коммуникативного опыта (равно как и принятие/непринятие дискурса другого), в дальнейшем обуславливает «выход» уже в сферу метакоммуникации – в уровень общественных отношений, а не содержания информации и тем самым детерминирует возможное преобразование всей социокультурной системы.

В настоящее время нет свидетельств того, что описанные коммуникативные события и фем-киберактивизм в целом могут привести к значительным институциональным изменениям, однако актуализация принципов феминизма и расширение аудитории, включающейся в идеологическое/политическое движение, налицо: даже информационные кампании, не несущие, как правило, эмоционального заряда, приводят к активным ответным действиям – массовым репостам (т.е. распространению информации) и добровольным пожертвованиям в пользу различных фем-организаций. Таким образом, практики киберактивизма оказывают значительное влияние на степень политической вовлеченности и участия (особенно представителей молодого поколения, где данный феномен находит наибольший отклик), что делает это направление дискурс-анализа перспективным для дальнейшего исследования.

Список литературы

- Боженкова Н.А., Катыхов П.А., Ионова С.В., Афанасьева Э.М., Саакян Л.Н. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 76–92. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.6>
- Боженкова Н.А., Негушина А.А. Интерперсональные характеристики русскоязычного феминистского дискурса (на примере telegram-канала «Дочь разбойника») // Культура и текст. 2021. № 4 (47). С. 240–252. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-240-252>
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России : интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. URL : www.vestnik-mgou.ru (дата обращения : 11.07.2022).

- Брюханова А.А.* Политический интернет-активизм : теоретический обзор основных форм и моделей исследования // Вестник Пермского университета. Серия : Политология. 2021. Т. 15. № 4. С. 121–130.
- Видинеева Н.Ю.* Средства имплицитности в жанре русскоязычных политических блогов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 733–744. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-733-744>
- Винник Н.В.* Женское движение и Рунет : найти друг друга // Женское движение в России : вчера, сегодня, завтра : материалы конференции (Москва, 26 февраля 2010 г.) / отв. ред. Г.М. Михалева. М. : РОДП «ЯБЛОКО» ; «КМК», 2010. С. 94–95.
- Генералова Л.М.* Жанровая специфика политического блога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 500–503.
- Генералова Л.М., Ребрина Л.Н.* Блоггинг как форма публичной субъективности в протестной коммуникации // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2–3. С. 157–176.
- Гнедаш А.А.* Четвертая волна феминизма : политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 64–89. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89>
- Епишкин Н.Н.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. 5140 с.
- Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ ; Астрель ; Харвест, 2006.
- Зеленовская А.В.* Понятия «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс», «виртуальный дискурс» // Язык и культура. 2014. № 12. С. 17–21.
- Ильенков Э.В.* Философия и культура. М. : Политиздат, 1991. 462 с.
- Исмаилова Ф.Е.* Эволюция социального статуса женщины в мировой литературе // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4–2. С. 612–616.
- Каверина Е.А., Декич Э.* Развитие феминистского дискурса в цифровых медиа (опыт России и США) // Медиаальманах. 2020. № 4. С. 26–36.
- Кирилина А.В.* Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 138–143.
- Кожемакин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс : к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). С. 13–21.
- Нестеренок Ю.И.* Блоги – элементы политического поля // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 10 (30). С. 44.
- Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>
- Пикула Н.Н.* Интерактивные коммуникации и политическое сознание // *StudiaHumanitatis*. Рубрика: Политология. 2015. № 2. URL : <http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pikula.pdf> (дата обращения : 11.07.2022).
- Походня А.В.* Подходы к исследованию возможностей и эффектов онлайн-активизма как части политической коммуникации // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 3. С. 37–46. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-37-46>
- Рогачева Н.Б.* Речезанровая вторичность в политическом дискурсе (на материале жанра блога) // Политическая коммуникация : материалы Всероссийской научной школы для молодежи (Екатеринбург, 25 августа – 8 октября 2009) / гл. ред. А.П. Чудинов : в 2 т. Т. 2. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. С. 97–100.
- Савельева И.В.* Непрофессиональный политический дискурс : интенциональный аспект (на материале интернет-комментариев к политическим новостям) // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. №. 4. С. 83–90. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2020-83-90>

- Савицкая Л.С. Образ коммуникативного будущего в блогговом формате интернет-дискурса : модусная структура и языковое воплощение // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 597–601.
- Сахарова А.В. Формирование языковой личности : социально-философский аспект : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2017. 180 с.
- Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 154–158.
- Солнцева Е.С. К вопросу о свойствах медиадискурса // Известия ВГПУ. 2019. № 8 (141). С. 147–153.
- Троицкая О.Г. Гендерные особенности коммуникации // Проблемы межкультурной коммуникации. Иваново : ИГХТУ, 2000. С. 374–380.
- Фокина М.А. Жанровые и языковые особенности блогов политиков // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 187–192.
- Шурухова З.С. Языковая специфика Интернет-коммуникации // Инновационные процессы в научной среде : сборник статей. Уфа : ООО «Омега Сайнс», 2016. С. 228–231.
- Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. Modern political discourse : verbal exemplification of tactical and strategic preferences // RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching. 2017. Vol. 15. Issue 3. Pp. 255–284. <https://doi.org/10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284>
- Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism // Journal of Diversity in Higher Education. 2017. Vol. 10. Pp. 400–415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>
- Geisler C. The voices of #MeToo : from grassroots activism to a viral roar // International Communication Association. Prague, 2018. 184 p.
- Loney-Howes R. Beyond the spectacle of suffering : representations of rape in online anti-rape activism // Outskirts : Feminism along the Edge. 2015. No. 33. Pp. 1–17.
- Morozov E. From slacktivism to activism // Foreign Policy. 2009. URL : <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (accessed : 10.07.2022).
- Ringrose J. Digital feminist activism : MeToo and the everyday experiences of challenging rape culture. 2019. URL : <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-15213-0> (дата обращения : 20.03.2022).

Сведения об авторах:

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвистика текста, общая теория дискурса, психолингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты русского языка в иноязычной аудитории (РКИ), русского языка и литературы в русской аудитории и др. Автор более 400 научных публикаций. ORCID: 0000-0002-2381-5865. E-mail: natalyach@mail.ru

Негушина Александра Алексеевна, аспирант, кафедра общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. *Сфера научных интересов*: лингвистика текста, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация. ORCID: 0000-0003-4540-3930. E-mail: sash.negusha@gmail.com

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5,

стр. 1. *Сфера научных интересов*: лингвокультурология, общая теория дискурса, лингвистическая герменевтика, семантика, межкультурная коммуникация, фонетика и акцентология, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты РКИ. Автор более 300 научных публикаций. ORCID: 0000-0003-4545-9387. E-mail: rkbozhenkova@mail.ru

DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433

Research article

Verbal explication of axiological constants of feminist discourse in the Russian language in the context of cyberactivism

Natalia A. Bozhenkova¹, Aleksandra A. Negushina¹,
Raisa K. Bozhenkova²

¹*Pushkin Russian Language State Institute,*

6 Akademika Volgina St, Moscow, 117485, Russian Federation

²*Bauman Moscow State Technical University,*

5 2-ya Baumanskaya St, bldg 1, Moscow, 105005, Russian Federation

 natalyach@mail.ru

Abstract. The authors focus on the interconnection between the basic constituents of two phenomena relevant to modern Russian studies – the phenomenon of cyberactivism and the linguistic personality of a feminist activist. The relevance is determined by the object of the study, which is a special form of social and linguo-cultural interactions – the discursive practices of feminist cyberactivism. Being transmitted in the network environment for promoting socio-political activities, feminist cyberactivism represents a substantial part of content nowadays and appears to be one of the most important factors in the formation of axiological determinants in the Russian society. The aim of the study is to identify and systematically characterize the specific linguistic features of actual feminist and pro-feminist blogs, demonstrating both the ideological views of the feminism and the peculiar linguistic representation of feminism as a thematic field in the aspect of idioethnic features of the linguistic personality of a feminist activist. Particular attention is paid to the methods of verbal definition of the problematic field of feminist cyberactivism (primarily, the definition of gender inequality index in Russia) as well as to the identification of basic semasiological mechanisms for “modifying” the pragmatic parameters of the Russian-speaking feminist blogosphere. The material was collected from online blogs of feminist activists, text units from thematic feminist communities in social networks, as well as text materials of public organizations whose activities are closely related to feminist ideology. The critical discourse analysis, functional analysis of media texts (blogs), complex structural and contextual analysis of the language system of the Russian blogosphere, stylistic analysis of visual resources of the Russian language, linguo-pragmatic analysis of communicative acts, and the method of linguo-culturological interpretations were applied. The authors discovered that blog activism has several characteristic features that are reflected in its verbal and communicative content. The main purpose of most blogs (especially those belonging to personal pro-feminist blogs) is an act of self-presentation. This is the reason why this type of activism often has an individual, rather than a collective nature, and the authors, as a rule, do not indicate their civil or political goals, which brings this framework of feminist discourse closer to non-political social practices. It is concluded that bloggers rarely use conventional language forms traditionally inherent to ideologized practices. This in turn leads to the evolvement of new communication strategies and, given the expansion pace of modern blogosphere, may have a major social effect in the future. The authors prove that by cultivating “at a certain angle,” the sense-forming component of feminist

discourse, which is a critical reflection of female subjectiveness, feminist cyberactivism demonstrates a high degree of civil society involvement in certain political processes since it essentially aims at fulfilling the socio-ethological function (organization of hyperdiscourse through optimizing the recipient's behavior and forming a need to share an actualized standpoint). Further consideration of feminist cyberactivism, which is both the primary method for the expansion of feminist community in Russia and its constitutive feature, can answer many questions on the linguo-cultural and, more broadly, civilizational structure of Russian society.

Keywords: cyberactivism, Russian feminist discourse, Russian blogosphere, communicative ideologized practices, expressive resources, Russian language, linguo-axiological dominants, linguo-pragmatic tools

Article history: received 16.04.2022; accepted 11.07.2022.

For citation: Bozhenkova, N.A., Negushina, A.A., Bozhenkova, R.K. (2022). Verbal explication of axiological constants of feminist discourse in the Russian language in the context of cyberactivism. *Russian Language Studies*, 20(4), 414–433. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-4-414-433>